

воззрения. В средневековый период кризис брахманизма и традиционного пантеона богов отразился и на данных божествах, теряющих свое былое значение в связи с тем, что вокруг них так и не был сформирован стабильно-широкий круг преданных последователей.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ПРАКТИКА ЦЕРКВИ КАК АРГУМЕНТ В СПОРЕ О ПОЧИТАНИИ ИКОН

О. Н. Изотова
Москва, Россия

Христианская проповедь прозвучала в пределах Римской Империи, а значит в мире полном произведений изобразительного искусства. Роспись покрывала не только стены языческих храмов, но и частных домов состоятельных римлян¹. Данные археологии сообщают нам, что таким же образом могли быть декорированы и стены синагоги, несмотря на гораздо более осторожное отношение ветхозаветной религии Израиля к культовым изображениям по сравнению с прочими верованиями той эпохи². Религиозные изображения и изображения в повседневной жизни были привычны в повседневной практике большинства жителей Империи. Не должны были составлять исключения и умножавшиеся в этой Империи новообращенные христиане, как из язычников, так и из иудеев. «Если в античном доме мы встречаем роскошную декорацию стен, потолков и полов, то можно ли думать, что в христианском доме эта декорация вдруг исчезла сразу?»³ – писал на рубеже XIX–XX вв. один из исследователей раннехристианского искусства, Д. В. Айналов.

К подобному же выводу пришел и много столетий назад первый церковный историк Евсевий Кесарийский. «Я ведь рассказывал, – пишет он, – что сохранились изображения Павла, Петра и Самого Христа, написанные красками на досках. Естественно,

¹ Пример этому – росписи в погибших Помпеях. См.: Шаму Ф. Эллинистическая цивилизация. – М.; Екатеринбург, 2008. – С. 455.

² *Сусленков, В. Е.* Дура-Европос / В. Е. Сусленков // Православная Энциклопедия. – Т. 16. – С. 345.

³ *Айналов, Д. В.* Эллинистические основы византийского искусства / Д. В. Айналов. – СПб., 1900. – С. 130.

что древние привыкли, особенно не задумываясь, по языческому обычаю, чтить таким образом своих спасителей»¹.

Тем не менее, только начало иконоборческой политики императоров Исаурийской династии в первой половине VIII в. заставило христианских авторов разработать и систематизировать аргументы в пользу священных изображений. Их трудами практика иконопочитания получила свое богословское обоснование и была оформлена в виде догмата христианской веры в 787 г.

Орос VII Вселенского собора 787 г. утверждает почитание икон Христа, Божией Матери, Ангелов и святых поклонением (προσκύνησις), отличая его от служения (λατρεία), подобающего лишь Богу. Иконы полагается чтить наравне со св. Крестом, св. Евангелием и прочим святыням, почитать их целованием, фимиамом и поставлением свечей. Действия эти отцы собора основывают на некоем «благочестивом обычае древних»².

Несмотря на то, что отцы-иконопочитатели предлагают довольно широкий набор аргументов в пользу святых икон: проповедь через них Воплощения Христова, ключевую роль образа в мироздании, принципиальные отличия христианской иконы от языческого идола и многие другие — достоин внимания и это, казалось бы, риторический оборот, обращающий читателя к некоему благочестивому обычаю. Евсевию Кесарийскому, который относился к религиозным изображениям весьма сдержанно³, он казался, как мы увидели, языческим, но иначе восприняли его отцы собора и авторы-иконопочитатели. Мы рассмотрим свидетельства некоторых из них для того, чтобы постараться определить степень важности этого аргумента, то есть обращения к существующей повседневной практике Церкви, в споре о святых иконах. Размышления об образе, к которым мы будем обращаться, содержатся в трудах разного рода, принадлежащих трем патриархам Константинополя: Герману, Никифору и Мефодию — а также преподобному Иоанну Дамаскину и Игнатию Диакону.

Послания Германа Константинопольского (715–730) к епископам Иоанну Синадскому, Константину Наколийскому и Фоме

¹ *Евсевий Кесарийский*. Церковная история / Евсевий Кесарийский. — М., 2001. — VII, 18. — С. 325.

² καθὼς καὶ τοῖς ἀρχαίοις εὐσεβῶς εἶθισται. Mansi G. D. Sacrorum Conciliorum Nova et Amplissima Collecti. — T. 13. — P. 378.

³ См. его письмо к сестре Константина Великого Констанции: *Tex tusbyzantinosadiconomachiampertinentes* / Hennephof H., ed. — Leiden, 1969. — P. 42.

Клавдиопольскому стали первым шагом в создании христианской теории образа в эпоху иконоборческих споров. Они были написаны им в период с 723 по 725 гг.¹ Эти письма позднее читались на VII Вселенском Соборе и вдохновили его решения.

Святитель Герман воспринимает иконы как следствие древнего обычая. Он пишет, что его получили все предстоятели Церквей еще до окончания гонений. Почитание икон существовало не только в малых городах, но в столицах первенствующих Церквей. Для подтверждения древности этой практики патриарх ссылается на упоминание изображений ветхозаветных сцен у свт. Григория Нисского, и считает еще более достойным делом изображений новозаветной истории².

Обратимся к памятнику еще более известному. Три слова об иконопочитании прп. Иоанна Дамаскина были популярны у защитников религиозных изображений Нового времени, что способствовало тому, что уже в XVI в. вышло несколько изданий их текста³. По сей день это, вероятно, самая распространенная апология иконопочитания. В Византийской империи VIII–XI вв. эти сочинения Иоанна Дамаскина не были столь известны, хотя и стали первым систематическим изложением христианского учения о священных изображениях. Согласно предположению свящ. Э. Лаута, творения прп. Иоанна вобрали в себя аргументы в защиту икон, сформулированные его известными и неизвестными предшественниками в спорах с иудеями⁴.

Дамаскин берется за написание своего труда, обеспокоенный тем, что «искони крепко хранимое Предание Церкви»⁵ находится в опасности и требует слова в свою защиту. С этого он начинает Первое Слово об иконопочитании, упоминает еще не один раз в своей апологии, подтверждает подборкой цитат из различных

¹ Заплатников, С. В. Концепция зрительного Писания в трудах патриарха Германа Константинопольского / С. В. Заплатников // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. – 2012. – Вып. 4(42). – С. 97.

² Acta Conciliorum Oecumenicorum. Series secunda. Volumen tertium. Pars altera / E. Lamberz [ed.]. – Berlin, 2012. – P. 466.

³ Louth, A. St John Damascene tradition and originality in Byzantine theology / A. Louth. – A Oxford, 2002. – P. 198.

⁴ Ibidem. – P. 211.

⁵ Contra imaginum calumniators orationestres // Die Schriften des Johannes von Damaskos. – Berlin, N. Y., 1975. – P. 65.

книг Священного Писания. Создание человека по образу Божию, ветхозаветные прообразы, такие как Неопалимая Купина, и изображения, созданные Моисеем становятся необходимыми основаниями учения о святых иконах¹. Дамаскин осведомлен и о существовавших в церковной истории противоположных мнениях, из которых он находит нужным упомянуть иконоборческую позицию Епифания Кипрского. Но это не является для Дамаскина опровержением древности иконопочитания. Он считает это мнение либо ложно приписанным Епифанию, либо обусловленным неизвестной ситуацией, в которой тот находился, либо про частным ошибочным мнением этого авторитетного церковного писателя и иерарха².

Апологии религиозных изображений в то время могли содержаться не только в богословских трактатах, но и в памятниках, на первый взгляд, этому не посвященных. Примером этому служат некоторые жития святых, созданные в иконоборческую эпоху. Так византийский писатель IX в., Игнатий Диакон включает в написанное им житие патриарха Никифора (806–815) подробное рассуждение об иконах.

В житии подробно описаны события 815 г., когда император Лев V открыто встал на сторону иконоборцев, а патриарх Никифор лишился кафедры из-за несогласия с политикой Льва. К этому году в рассказе Игнатия относится беседа царя и патриарха о святых иконах, которую агиограф представляет в виде своеобразного трактата – разговора патриарха и императора Льва V³.

Вступлением к речи патриарха в тексте Игнатия служат слова о широком распространении практики иконопочитания в тогдашней Церкви. Агиограф вкладывает в уста патриарха слова о том, что ни Рим не отвергает честные иконы Христа, ни Александрия – плотское материальное подобие Богоматери ни Антиохия не допускает поругания изображений святых, ни Иерусалим – упразднения отеческих преданий (τῶν πατρικῶν παραδόσεων)⁴. Так

¹ Ibidem. – P. 119.

² Contra imaginum calumniators orationestres // Die Schriften des Johannes von Damaskos. – Berlin, N. Y., 1975. – P. 117.

³ Ignatii Diaconi vita Nicephori // Nicephori archiepiscopi constantinopolitani opuscula historica / C. De Boor [ed.]. – Lipsiae, MDCCCLXXX. – P. 168–186.

⁴ Ibidem. – P. 171. Столь же ярко в житии Никифора говорится об этом при изложении содержания речи сторонников патриарха, по-

прежде всего прочего Игнатий находит нужным подчеркнуть, что иконы – всеобщее и повсеместное древнее предание Церкви.

В этом биограф патриарха Никифора ничуть не отступает от мнения своего героя, выраженному в его собственных сочинениях. Святитель Никифор – одного из искуснейших богословов второго периода иконопочитания. Его перу принадлежат несколько обстоятельных сочинений в защиту святых икон. В своем Третьем опровержении иконоборцев Никифор называет изначальное и древнее предание наиболее достоверным доказательством, а в ответ на риторическое требование некоего закона, которому оно следует, предлагает в качестве такого закона исполнение делом, под которым разумеет появление нерукотворного образа Спасителя¹.

Речь здесь идет об известном Эдесском образе. В письменных источниках это образ упомянут впервые лишь около 400 г.², о нем в изложении истории Эдесского царя не упоминает Евсевий Кесарийский. Тем не менее, поклонение этому образу (как один из примеров, пусть и довольно неординарный) обычая поклонения иконам, не оставляют своим вниманием иконопочитатели VIII–IX вв. На свидетельстве о поклонении этому образу строит краткую апологию иконы патриарх Мефодий Константинопольский (843–847). Этот святитель уделял большее внимание агиографическим трудам по сравнению с богословскими и упомянутая защитная речь вложена им в уста свт. Евфимия Сардского. Житие этого святого написано Мефодием в 832 г. Свт. Евфимий также был вынужден защищаться перед императором. Евфимий говорит о своих путешествиях, в которых он узнал обычаи христиан, живущих в разных краях. Эти обычаи составляют единство церковного предания. В Эдессе же Евфимий своими глазами видел нерукотворный образ, поклонялся ему и этим просвещался, по-

следовавшей за диалогом, о котором идет речь. Защитники иконопочитания указывают на то, что священные иконы чтутся (ἡ τῶν ἱερῶν εἰκόνων σεβάζεσθαι τοίησις) «от восхода солнца до Гадеса и Геркулесовых столпов», то есть по всей вселенной.

¹ *Nichephori, S. Patriarchae CP Antirrheticus III adv. Constantinum Copronimum / S. Nichephori // PG 100. – Col. 461.*

² *Cameron, A. The history of the image of Edessa: the telling of a story / A. Cameron // Okeanos. Essays presented to IhorSevčenko (=Harvard Ukrainian Studies VII). – Cambridge, 1983. – P. 80.*

этому еще смелее может возвещать апостольский, переданный через мучеников и отцов обычай поклонения святым иконам¹.

Подводя итог нашему обзору, пусть и довольно неполному, можно отметить, что все эти богословы эпохи иконоборчества считают практику иконопочитания древним обычаем, важным и укоренившимся в повседневной практике, хотя и устным церковным преданием. В своих апологиях образа они привлекают к древности этой практики внимание читателя. Это дает нам не только возможность приблизиться к пониманию иконы христианами того времени, но и может помочь и в дальнейшем исследовании истоков этой практики. Исследование упоминаний о конкретных примерах поклонения иконам в письменных источниках приводят к тому, что этот обычай видится исследователям довольно поздним изобретением. Так достаточно авторитетной, принятой большинством историков и историков искусства на Западе, считается точка зрения немецкого ученого Э. Кицингера, относящего появление поклонения иконам ко второй половине VI–VII вв., эпохе между царствованием Юстиниана Великого и иконоборческими спорами². Существуют мнения и о том, что иконы появились в Церкви еще позднее³, что, как мы увидели, совершенно противоречит словам современников иконоборческого спора. Как более согласное с ними, можно привести мнение А. И. Сидорова, который призывает доверять как свидетельству Евсевия Кесарийского о портретах Христа и апостолов, написанных на таком легко портящемся материале как дерево, так и устной традиции Церкви⁴. Тем не менее, мнение это высказано в работе, не сосредоточенной на вопросе происхождения поклонения иконам и, вместе, с рассмотренными древними свидетельствами лишь указывает направление дальнейшего поиска.

¹ Gouillard, J. La vie d'Euthyme de Sardes (d. 831) / J. Gouillard // *Travaux et memoires*. – 1987. – Vol. 10. – P. 35.

² *Kitzinger, E. The Cult of Images in the Age before Iconoclasm* / E. Kitzinger // *Dumbarton Oaks Papers*. – 1954. – Vol. 8. – P. 87.

³ *Brubaker, L. Icons before Iconoclasm?* / L. Brubaker // *Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'altomedioevo*. – 1998. – XLV. – P. 1218.

⁴ *Сидоров, А. И. Послание Евсевия Кесарийского к Констанции (к вопросу об идейных истоках иконоборчества)* / А. И. Сидоров // *Византийский Временник* 51. – 1991. – С. 58.